

УДК 811.161.1'23'373.22/.23:821.161.1-312.9А.Пехов

САВЧЕНКО Александра Валериевна,

аспирант кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;

e-mail: oleksandra_savchenko88@mail.ru; тел.: + 38 (0482) 499906; моб.: + 38 063 8471536

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАИМЕНОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ВИРТУАЛЬНОГО МИРА В РОМАНЕ А. Ю. ПЕХОВА «ПЕРЕСМЕШНИК»

Аннотация. В данной статье представлен анализ индивидуально-авторских неологизмов в романе-технофэнтези Алексея Пехова «Пересмешник». Цель статьи — анализ когнитивных оснований наименования объектов, реалий и существ, составляющих виртуальный мир фантастического произведения.

Путём анализа материала произведения выявлено, что автор фантастического текста использует для наименования указанных объектов индивидуально-авторские неологизмы. На примерах показано, что последние образуются, как правило, на основе искажённой иностранной лексики, в зависимости от целей автора могут использоваться также русские корни и даже звукоподражания.

Автор выделил тематические группы, на которые подразделяются указанные единицы текста. Это: названия рас, мифических созданий, народностей, профессий и титулов, денежных единиц, несколько окказионализмов, производные от данных слов прилагательные. В статье представлен морфологический анализ указанных неологизмов, дана их классификация, показаны пути создания и реализации необходимой в романе-технофэнтези оригинальной виртуальной реальности.

Ключевые слова: авторские неологизмы, виртуальный мир, русская фантастика, неологизм, окказионализм, А. Ю. Пехов.

Данное исследование посвящено индивидуально-авторским неологизмам в романе-технофэнтези Алексея Пехова «Пересмешник». Его актуальность обусловлена тем, что сегодня популярность фантастической литературы всё больше возрастает как в Украине, так и за рубежом. Произведения этого жанра активно создаются и переводятся, однако специфика фантастической литературы ещё не до конца исследована лингвистически, хотя имеются отдельные публикации. Целью данного исследования является анализ оснований наименования объектов виртуального мира в современном детективном романе-технофэнтези Алексея Пехова «Пересмешник».

Алексей Юрьевич Пехов — молодой российский писатель, чьё творчество за короткий срок привлекло внимание широкой читательской аудитории, литературных критиков и было отмечено несколькими престижными наградами. А. Ю. Пехов — член Союза писателей России и Американской ассоциации писателей-фантастов (SFWA). Анализируемый нами роман «Пересмешник» является завершённым произведением, он не включён ни в один из циклов автора, а потому представленный в нём оригинальный виртуальный мир ограничен рамками данного произведения и показан максимально полно.

Понятие неологизма изменчиво во времени и относительно. Согласно Энциклопедическому словарю-справочнику под редакцией А. П. Сковородникова, «неологизмы (от греч. νέος «новый» и λόγος «слово») — слова, лексико-семантические варианты или словосочетания, созданные или заимствованные для обозначения новых (прежде неизвестных) предметов, явлений или понятий» [7, с. 183]. Это определение достаточно удачно, однако не включает в себя ряд слов, которые мы называем индивидуально-авторскими, поскольку такие неологизмы могут нового понятия не обозначать. Поэтому в данном исследовании мы возьмём за основу определение Лингвистического энциклопедического словаря под ред. В. Н. Ярцевой: «Неологизм — слово, значение слова или словосочетание, недавно появившиеся в языке». [3, с. 331] Но в этом случае мы сталкиваемся с вопросом понимания понятия «недавно». Б. Головин определял неологизмы как «слова, возникшие на памяти применяющего их поколения» [7, с. 183]. Временной критерий является определяющим и в работе Р. Ю. Намитковой «Авторские неологизмы: словообразовательный аспект»: «Наличие данного слова в определённом синхронном срезе и отсутствие его в предшествующем (преимущественно по данным словарей) является наиболее надёжным критерием отнесения слова к неологизму определённого времени» [4, с. 11].

В свою очередь, с точки зрения целенаправленности новообразований в речи можно выделить:

1) авторские неологизмы, точнее, авторские новообразования, создаваемые говорящими (чаще — пишущими) преднамеренно, с определённой целью: художественно-стилистической (*лиллипутизм, суперменизм, уютность, победность, нахватанность, грузинство* — Е. Евтушенко) или научной (*протозвезда, звездотрясение, планетарные туманности* — И. С. Шкловский; *вненаходимость, адресованность высказывания* — М. М. Бахтин);

2) не-авторские новообразования, создаваемые в разговорной речи скорее всего для сиюминутных, практических целей общения, слова на миг, *ad hoc* [5, с. 39].

Отличие не-авторских образований от авторских состоит, во-первых, не только в том, что они создаются для сиюминутных целей общения, но и в том, что они создаются непрерывно, постоянно в речи говорящих; во-вторых, они метеорны — сразу исчезают, проживая («век мотылька» — В. Хлебников» [4, с. 12]). Авторские новообразования художественной речи редко переходят в неологизмы языка, хотя можно составить некоторый список «авторских» слов, вошедших в язык, поскольку они попали в «благоприятные условия», отвечая широким потребностям коммуникации. Это *промышленность*, *будущность* (Н. М. Карамзин), *нигилист* (И. С. Тургенев), *злыхвательство*, *чумазый* (М. Е. Салтыков-Щедрин) и др. [4, с. 22]

В ходе исследования в тексте было обнаружено 39 авторских неологизмов. В тексте А. Пехова материал поддается достаточно конкретному тематическому разделению, поэтому мы предлагаем для рассмотрения следующие группы: расы; мифические создания; народности и этнонимные адъективы; профессии и титулы; денежные единицы; окказионализмы. Покажем наиболее примечательные случаи.

Первую группу автор описывает и нередко даёт достаточно подробную характеристику. Как правило, представители разумных рас, населяющих мир романа, обладают рядом внешних и поведенческих черт, наталкивающих читателя на ассоциацию с каким-либо животным из реально существующего мира. Например, *дьюгонь* обладает следующей характеристикой: «Верхней частью тела дьюгоны похожи на упитанных тюленей: лоснящаяся, вся в складках жира чёрная шкура. Нижняя часть больше всего напоминает туловище угря: сплюснутое с боков, с длинным плавником. Руки с перепонками, а голова вытянутая, с маленькими глазками, широким носом и двумя похожими на лопаты резцами» [8, с. 96]. Автор в описании указывает на подобие дьюгоны и тюленей, само же название является видоизменённым названием водного млекопитающего — *дьюгонь*.

Наиболее «человекоподобной» и важной для развития сюжета расой являются *лучэры*. Отдельного описания их внешнего вида в тексте романа нет, но из частных замечаний мы узнаём, что внешне *лучэры* практически ничем не отличаются от людей (которые также фигурируют в произведении в качестве самостоятельной расы), за исключением цвета глаз, которые у них могут быть не только относительно привычного цвета: пепельного, индиго или зелёного, но и невозможных для человека: красного, янтарного или чёрного [8, с. 15]. Кроме того, *лучэры* обладают способностями, которые можно назвать сверхъестественными по отношению к людям. Касательно названия расы, являющегося неологизмом, его происхождение нельзя назвать очевидным, однако предположительно оно создано на основе латинского *lucifer*: «I lucifer, fera, ferum [lux + fero] 1) светоносный, несущий свет (lampas Acc); освещённый (pars lunae Lcr): equi luciferi O кони лунной богини Фебы; 2) выносящий на свет, облегчающий роды (luciferae manus Lucinae O)» [2], о чём говорит не только фонетическое сходство (мы видим корень «luc», унаследованный языками романской группы, нередко читается как «луч» (примером может служить имя Лючия и сходный звуковой состав финала слова [эр]), но и семантика слова. Согласно верованиям действующих лиц романа, *лучэры* — это наиболее приближённая раса к верховному божеству, главными символами которого являются огонь и свет. Кроме того, само слово *луч*, содержащееся в основе, также вызывает ассоциацию со светом.

В случае же с *мяуррами* автор не подразумевает двузначной трактовки читателем. Первая же встреча главного героя с представителем расы сопровождается описанием: «Я дал кондуктору [мяурру] несколько фартов, что его полностью удовлетворило, так как кошачья рожа стала совершенно довольной...» [8, с. 32]. Сам автор использует эпитет «кошачий», далее он неоднократно называет в тексте представителей расы котами и наделяет их соответствующими чертами внешности: *Кондуктор-мяурр со вздыбленной шерстью и выпущенными когтями...* [8, с. 35]. *Кот задумался, дёрнул левым ухом, спрятал лапы в рукавах парадной мантши, тихо вздохнул. Кончик его пушистого хвоста дёрнулся* [8, с. 279]. Кроме того, А. Пехов наделяет этот ряд персонажей речевыми особенностями. В прямой речи на месте звука [м] или сочетания [м] и гласного мяурры вставляют *мрряу*: *Просто сообщите мрряуне* [8, с. 32]. *Не в мрряуем праве так рисковать* [8, с. 67]. *Такая поставка попадала комрряу-нибудь* [8, с. 281]. В названии расы автор уже указывает на связь мяурров с семейством кошачьих, контаминируя в своём авторском новообразовании звукоподражания *мяу* и *мурр*, ассоциируемые русскоязычным читателем с кошками.

Подобные прямые «подсказки» встречаются в романе нечасто, однако они имеют место. Например, обращаясь к следующей расе, мы сразу же понимаем, о чём пойдёт речь. Её название — *стоуны*. Этот неологизм относится к тем, суть которых автор выражает не в тексте романа, а в сноске: «Стоун — древняя, практически вымершая раса разумных камней» [8, с. 173]. Название весьма прозрачно: английское *stone* [stəʊn] переводится как «камень». Следовательно, мы имеем дело с заимствованием из английского языка, перенесённым методом транскрипции [1, с. 161].

Интерес представляет также название ещё одной расы — *фиосс*. Описание её представителей дано в тексте: «Фиоссы — упитанные, чёрно-жёлтые полосатые создания...» [8, с. 267]. «Они пронеслись мимо, точно снаряды — маленькие, толстенные, стремительные» [8, с. 267]. «Наперегонки с поездом отправились несколько *фиосс*. Судя по бледным полоскам на брюшках — совсем ещё дети...» [8, с. 39]. Автор не указывает прямо, но из описания и названия ясно, что речь идёт об осах. Неологизм «фиосса» образован от видоизменённого слова *оса*: удвоен согласный [с] и добавлен элемент *фи* в начало слова.

Немногочисленную группу, обозначенную нами как мифические создания, мы отделяем от рас, поскольку нижеперечисленные существа являются либо искусственно созданными при помощи магии, либо не обладают разумом. К неологизмам, обозначающим названия мифических созданий, мы относим следующие: *амнис* [8, с. 8], *митмакем* [8, с. 11], *стайник* [8, с. 317], *стафия* [8, с. 64], *эльтамль* [8, с. 466].

Первые, как читатель узнаёт из текста романа, являются душами демонов, заключёнными в физическую оболочку предмета, — как правило, оружия. Свой выбор названия для этих существ автор поясняет в сноске: «От лат. *amnis* — водный поток, в другом значении — душа» [8, с. 8]. Таким образом, данный неологизм фактически является заимствованием из латинского языка, перенесённого в русский методом транслокации.

На *митмакемах* остановимся немного подробнее. *Несколько раз в отдалении я видел бродящие между деревьев кособокие фигуры митмакемов. [...] Пока мы им не докучаем, [...] ожившим мертвецам до нас нет никакого дела* [8, с. 357]. Алексей Пехов обращается к многократно использовавшейся в фантастической литературе теме ходячих мертвецов (упырей), но не только придаёт им своеобразные черты внешности (*Он был огромен и толст. С раздутым животом, серой кожей, лысой головой с неестественно большими ушами, белыми незрячими глазами мертвеца и толстыми губами, растянутыми в вечной желтозубой улыбке* [8, с. 358]), но и индивидуально интерпретирует сам образ, превращая устрашающих существ в безобидный вид, постепенно создающий своё сообщество и борющийся за свои права, чем даже вызывает у читателя некоторое сочувствие. Само же слово *митмакем* является заимствованием, как указано в сноске: «От *mitmakem* (ивр.) — восставший» [8, с. 11]. Здесь мы можем говорить о транслокации.

В случае с *эльтамлем* автор обращается к популярному мифологическому созданию и даёт описание, в котором читатель узнаёт *элементалю*, встречавшегося и у других писателей-фантастов под своим привычным названием: «Младшие стихийные духи, не обладающие разумом и способные подчиняться лишь одному приказу» [8, с. 466] (дано в сноске). Дух фигурирует лишь в эпизоде романа, и причина, по которой автор видоизменил название, неизвестна, но результатом такого решения стало обогащение произведения ещё одним лексическим неологизмом.

Создавая свой особый мир, автор произведения так или иначе вынужден создать условную карту этого мира, в результате чего появляется целый ряд топонимов и, как следствие, производных от них слов. В группу 'народности' и 'оттопонимные адъективы' мы объединяем несколько видов неологизмов, поскольку часть названий народностей образована напрямую от топонимов, а часть опосредованно: *жвилля* [8, с. 9], *иеналец* [8, с. 170], *кирусский* [8, с. 65], *кохетт* [8, с. 42] (*кохеттский* [8, с. 64]), *лорский* [8, с. 167], *магарец* [8, с. 21] (*магарка* [8, с. 67], *магарский* [8, с. 73]), *малозанец* [8, с. 11], *оган* [8, с. 10] (*оганка* [8, с. 251]), *сиг* [8, с. 55].

Автор предлагает вниманию читателя ряд профессий и титулов, названия которых вымышлены им и являются неологизмами: *мышурр* [8, с. 278], *ревари* [8, с. 79], *саил* [8, с. 63] и *чэр* [8, с. 9].

Названия денежных единиц — такая же неотъемлемая часть мира фэнтези, как и топонимы. Она достаточно малочисленна. В эту группу входят следующие неологизмы: *соур* [8, с. 11], *сцелин* [8, с. 8], *трестон* [8, с. 8], *фарт* [8, с. 8]. Например: «*Фарт* — крупная денежная единица Рапгара — содержит в себе 20 *трестонов* или 100 *сцелинов*. Один *трестон* равен 5 *сцелинам*» [8, с. 8]. Название это является отсылкой к английскому фартинг — мелкая монета, изъятая из обращения в 1968 г. Слово *фарт* при этом является семантическим неологизмом в русском языке, поскольку слово с такой звуко-буквенной оболочкой уже существует: ФАРТ, -а (-у), м. (прост.). Счастье, удача. Фарту нет кому-н. [6, с. 413].

В тексте имеется небольшая группа окказионализмов, возникших в речи так называемого «маленького народа» — ещё одной расы, описанной автором. Представителям её чуждо стремительное развитие науки и техники, присущее окружающему их миру, вследствие чего различные механизмы получают новые названия из уст этих «человечков», а именно: *громкозвон* [8, с. 170], *дымледым* [8, с. 18], *рогомолний* [8, с. 170], *трымнывай* [8, с. 52].

Тематическая классификация лингвистических единиц данного текста показала, что наибольшая тематическая группа неологизмов в нём (13 единиц из 39, то есть $\frac{1}{3}$ (33,33 %) от общего числа) — названия вымышленных автором рас; вторая по численности группа — названия народностей: существительные и оттопонимные прилагательные (9 единиц, т. е. 23,08 %). Другие

выделенные нами группы относительно малочисленны: названия мифических существ (5 слов, т. е. 12,82 %); названия профессий и титулов (4 слова или 10,26 %); названия денежных единиц и авторские окказионализмы (по 4, т. е. по 10,26 %). Морфологический анализ исследуемых слов свидетельствует о том, что 93 % неологизмов — имена существительные; только 7 % новообразований — имена прилагательные. Продолжение исследования рассмотренной проблемы должно способствовать выяснению способов образования новых слов для обозначения объектов виртуальной действительности у разных авторов, скрытых этимологий таких слов. Такая работа позволит приблизиться к пониманию когнитивной природы виртуального в русской языковой картине мира.

Литература

1. *Англо-русский и русско-английский словарь* с грамматическим приложением / [сост. Четина Н. А.]. — М. : Диалог, 1998. — 524 с.
2. *Латинско-русский и русско-латинский словарь* / [сост. Подосинов А. В.]. — М. : Флинта ; Наука, 2007. — 744 с.
3. *Лингвистический энциклопедический словарь* / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — 2-е изд., доп. — М. : Большая российская энциклопедия, 2002. — 709 с. : ил.
4. *Намитоква Р. Ю.* Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Р. Ю. Намитоква. — Ростов н/Д : Изд-во Ростовского университета, 1986. — 160 с.
5. *Степанова М. Д.* Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова ; под ред. проф. Т. В. Строевой. — М. : Наука, 1953. — 376 с.
6. *Толковый словарь русского языка* / [сост. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.]. — М. : Азбуковник, 1999. — 487 с.
7. *Энциклопедический словарь-справочник.* Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А. П. Сковородникова. — М. : Наука, 2005. — 480 с.
8. *Пехов А. Ю.* Пересмешник: Фантастический роман / А. Ю. Пехов. — М. : Альфа-Книга, 2009. — 476 с. : ил.

References

1. *Anglo-russkij i russko-anglijskij slovar'* s grammaticheskim prilozheniem / [sost. Chetina N. A.]. — M. : Dialog, 1998. — 524 s.
2. *Latinsko-russkij i russko-latinskij slovar'* / [sost. Podosinov A. V.]. — M. : Flinta ; Nauka, 2007. — 744 s.
3. *Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar'* / [gl. red. V. N. Jarceva]. — 2-e izd., dop. — M. : Bolshaja russijskaja enciklopedija, 2002 — 709 s.: il.
4. *Namitokova R. Ju.* Avtorskie neologizmy: slovoobrazovatelnyj aspekt / R. Ju. Namitokova. — Rostov n/D : Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1986. — 160 s.
5. *Stepanova M. D.* Slovoobrazovanije sovremennogo nemeckogo jazyka / M. D. Stepanova ; pod red. prof. T. V. Stroevoj. — M. : Nauka, 1953. — 376 s.
6. *Tolkovij slovar'* / [sost. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju.]. — M. : Azbukovnik, 1999. — 487 s.
7. *Enciklopedicheskiy slovar'-spravochnik.* Vyrazitelnyje sredstva russkogo jazyka i rechevye oshibki i nedochoty / pod red. [A. P. Skovorodnikova]. — M. : Nauka, 2005. — 480 s.
8. *Pekhov A. Ju.* Peresmeshnik: Fantasticheskij roman / A. Ju. Pehov. — M. : Alfa-Kniga, 2009. — 476 s. : il.

САВЧЕНКО Олександра Валеріївна,

аспірант кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;

e-mail: oleksandra_savchenko88@mail.ru; тел.: +38 (0482) 499906; моб.: +38 063 8471536

КОГНІТИВНІ ПІДСТАВИ НАЙМЕНУВАННЯ ОБ'ЄКТІВ ВІРТУАЛЬНОГО СВІТУ В РОМАНІ О. Ю. ПЕХОВА «ПЕРЕСМІШНИК»

Анотація. У цій статті представлено аналіз індивідуально-авторських неологізмів у романі-технофентезі Олексія Пехова «Пересмішник». Мета статті — аналіз когнітивних підстав найменування об'єктів, реалій і істот, що становлять віртуальний світ фантастичного твору.

Шляхом аналізу матеріалу твору виявлено, що автор фантастичного тексту використовує для найменування вказаних об'єктів індивідуально-авторські неологізми. На прикладах показано, що останні утворюються, як правило, на основі видозміненої іноземної лексики; залежно від мети автора можуть використовуватися також російські корені і навіть звуконаслідування.

У статті виокремлені тематичні групи, до яких належать вказані одиниці тексту. Це: назви рас, міфічних істот, народностей, назви професій і титулів, грошових одиниць, декілька окказионалізмів, похідні від цих слів прикметники. У статті подано морфологічний аналіз цих новоутворень і їх класифікація. Показано, як використовує О. Пехов мовні засоби для утворення неологізмів, яким чином створює необхідну у романі-технофентезі оригінальну віртуальну реальність.

Ключові слова: авторські неологізми, віртуальний світ, російська мова, фантастика, окказионалізм, О. Ю. Пехов.

Oleksandra V. SAVCHENKO

Post-Graduate Student of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;

e-mail: oleksandra_savchenko88@mail.ru; tel.: +38 (0482) 499906; cell.: +38 063 8471536

COGNITIVE BASES OF OBJECTS' NAME OF THE VIRTUAL WORLD IN THE A. J. PEKHOV'S NOVEL «PERESMESHNIK»

Summary. This article presents an analysis of individually-authorial neologisms in the Alexei Pekhov's novel-tehnofentezi «Peresmeshnik». The purpose of the article is the analysis of cognitive bases of the names of objects, realities and beings composing the virtual world of the fantastic work. By analyzing the material it was revealed, that the author of fiction text uses individually-authorial neologisms for naming the virtual objects. The examples show, that they are formed, as a rule, on the basis of the distorted foreign vocabulary; depending on the author's purpose Russian roots and even onomatopoeias can be used. The author identified thematic groups of individually-authorial neologisms, which include: the names of races, mythical creatures, nationalities and related adjectives, names of professions and titles, monetary items, and a few occasionalisms. Classified neologisms are used in the text; they show how the necessity of creation of original virtual reality is realized by the author in his work.

Key words: author neologisms, virtual world, the Russian language, fiction, neologism, A. Ju. Pekhov.

Статтю отримано 18.11.2014 г.

УДК [811.16+811.13+811.11]'373.211.1'366.593

СКЛЯРЕНКО Ольга Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;

e-mail: asklyarenko@yahoo.com; тел.: +38(0482)493103, моб.: +38 098-0230913

«ИМПЕРАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ» В ОНОМАСТИКЕ (ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье представлен типологический анализ антропонимов и сложных топонимов (композитивов), которые производны от форм повелительного наклонения глаголов в славянских, романских и германских языках. Установлены черты сходства между единицами, формирующими особую императивную модель имён собственных в индоевропейских языках.

Ключевые слова: императивная модель, топоним, ойконим, антропоним, композит.

В славянской топонимии имеется конструкция, «многими замеченная, но остающаяся загадочной, — императивная (повелительное наклонение): *Звенигород, Гуляй-поле*». Такие названия «очень своеобразны и уходят корнями ещё к временам славянской общности (как модель, а не отдельные названия, конечно)» [11, с. 94—95].

Известно, что 'глагольные' конструкции или образования, «особенно широко представленные в тюркских языках» [2, с. 53; 7, с. 39; 20, с. 426], «отсутствуют в индоевропейской топонимике» [3, с. 234; 4, с. 43] и «в целом не характерны для ономастики как русского, так и других индоевропейских языков» [6, с. 25]. Так, например, в казахской топонимике Кустанайской области довольно часто встречаются сочетания наречия и глагола в повелительном наклонении, где топонимы **Алгабас** «Стремись вперёд», **Керикет** «Иди назад», **Туражур** «Иди прямо» свидетельствуют об исторических фактах, связанных с военными действиями [3, с. 235—236]. Однако А. К. Матвеев, рассматривая, по его словам, «императивные конструкции» в русской микротопонимии, отмечает, что они «встречаются в таком количестве, что о них можно говорить как об особом топонимическом типе, а не просто о казусе», и приводит ряд примеров на территории Архангельской области — названия урочищ: **Боли серцо, Вали вон, Вздери ножки, Гуляй меги** (*мег* — сев.-русс. диалектн. 'мыс', 'излучина реки'), **Кол тащи, Разломи ноги** и др. [10, с. 5].

В молодых топонимических системах США и Канады есть слой композитов императивного типа, образованных путём сочетания глаголов в повелительном наклонении и постпозитивных наречий или адвербиальных конструкций ср. амер.: *Lookout, Startup, Roundup, Spanaway, Nodaway, Callaway, Hathaway, Wendover, Bakewell, Speedwell, Fazewell*, канад.: *Needmore, Backus Holdfast, Dropmore, Blow-me-down, Come-by-Chance*.

Композиты модели «глагол + существительное» — преимущественно названия с прозрачной внутренней формой: первый компонент — основа, обычно совпадающая с повелительным